

K 1505042

ee

Abmorphaq

B&L

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

27

**Вологда
2003**

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	3
Н. Груздева, Г. Констанская идр.	3
В МИРЕ РУБЦОВА	10
Воспоминания	10
Свиридов о Рубцове	12
Ст. Куняев	13
ИЗБРАННОЕ	14
Николай Бушенев	14
Виталий Серков, пани лауреат	15
КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА	17
Юрий Архипов (окончание)	17
Алексею Ганину 110 лет	19
Анатолий Канев	20
Николай Фокин	23
Буклеты «Звезда полей»	25
Книжная полка	26
КОРОТКАЯ ПРОЗА	27
А. Сидоренко	27
П. Усанов	28
А. Дубинин	29
И. Эпанаев, афоризмы	30
Анекдоты про писателей	31
АВТОГРАФ	34
В. Белков. Из моего собрания	34
ГРАФИКА	36
Гамара Нуя	36
Из книг В. Гамаюновой	38

Юрий МАКСИН

* * *

Ко мне прижалось одиночество вчера.
Я не прогнал его и понял, что — павек.
В моем жилище будет вечно виться снег;
ледя на угли нестывшего костра

О, этот снег, и эти угли, и в углу
нето вуаль, нето раскинутая сеть.
Не знаю, сколько ей, нынясь, теперь
висеть,
но знаю точно, что ис подниму метлу.

Со мной осталось одиночество.
Оно сухим ложем отерло мокрое лицо,
И опрокинуло в сирень мое крылья,
и занавесило акацией окно.

Скучает лампа на неприбранием столе.
Она другого одиночества — маяк.
Я что-то долго не зажгу ее никак.
Но мотыльки уже кружатся на стекле...

* * *

Ты стояла, как мадонна, на кромке веков.
Кто писал тебя, помнишь?
И Джотто, и Кранах.
И колыхается ветром кисейный покров
на твоих Спасителя будущих ранах.

Ты такая святая, Элоха не га!
Впрочем, было ли проще тогда, в Иудее,
Помниши, как убегала, спасая Христа,
в темноту, в неизвестность,
на Бога надеясь?

Чу а после? Сократ повторенный сложет.
Слезы матери. Сына прелестные муки.
и Евангельский — трепанному миру ответ.
Сын воскрес, чтобы взять этот мир
на поруки.

Ты такая святая. Во чреве твоем
зреет жизнь, и лицо озаряет улыбка.
Счастье есть. Мы, к нему прикасаясь, живем.
Но звучит наша жизнь,

как печальная скрипка.

Владимир СОКОЛОВ

* * *

В молчаний скрипке
Музыка жива.
Пускай давно
Её недвижны струны,
Но вьётся где-то рядом
Голос юный,
Как под ветрами
Майская трава,
И помнится ей
Свет былых октав.
Когда был близок
Трепет чудных пальцев,
Когда мотив цыганский
Нежный пальчик
Из недр её
По ногке добывал..

Давно уснул смычок.
Легко лапша.
А скрипке музыки
Всё было мало.
Она безмолвно

Рядышком лежала,
Но пела и жила
Её душа...

г. Харовск

Олег ГОЛЕНКОВ

ТЫ И Я

Когда ветер злой
И кругом бело,
Пы побудь со мной --
Мне с тобой тепло.
Чуть прижмись щекой
Пы к щеке моей,
И моей рукой
Пы свою согрей.

Устюжна

Светлана МАНИЛОВА

* * *

Китаяночка моя,
Сладкое сердечко.
Посиди со мной еще
На моем крылечке.
Расскажи свою беду:
Я тебя утешу:
Боль руками отведу,
Сказочкой потешу.
Одного ж так грустно мне?
Скажешь мне в ответ:
«Милая, в твоем саду
Мандаринов нет...»

Нина ГРУЗДЕВА

* * *

Я — вся из звуков, вся из хлеба
Как та высокая сосна,
Я головой касаюсь неба,
Корнями в землю проросла.
Протягиваю в вечность руки
Сначала слышимы едва,
Оттуда неземные звуки
В земные вяжутся слова.
А мне светло и одиноко.
Через меня струятся вниз
На Землю солнечные токи.
Земные — в небо поднялись.

Джон ЛЕБЕДЕВ

* * *

Я весел, я лесный
из края лесного.
На речку на Цельщму
шагаю я снова!
Под небом, под солнцем
сквозь синий осинник,
по тропке, каких еще
сотни в России!
Меня не забыли
и ждали в разлуке
кувшинок и лилий
русалочки руки.
Лишь вечер над речкой
туманы расстелет,
как ржавые сосны,
скрипят коростели.
Когда ж заною?

комары свои гимны,
костёр занимает,
лохматый и дымный.
И звезды на лесом
склоняются низко.
Смотрю и не знаю,
где звезды, где искры?

Галина КОНСТАНСКАЯ

Непутевая, непутевая —
Мне подруги так говорят.
Непутевая, непутевая...
Это только на первый взгляд.

Непутевая... Да, случается:
Что-то снова не получается
И не склоняется опять...
Но пойми: я пагура цельная,
в чем-то сильная, в чем-то дельная,
если жизнью меня прижать.

Но над жизнью торчит часовенка
непутевой скалой в тайге.
Как изюминка, непутинка
в едбном праздничном пироге...

«Я — лист, Всего лишь желтый лист...»
А. Пощеконов

Ты — лист. Всего лишь желтый лист.
вчера упавший мне в ладони...
Вдруг стало тяжело и больно:
а кто же я? Осенний свист?
Цветок, расцвевший после срока,
или белогрудая сорока.

что кличет с северо-востока
янмы протяжной времена?
Твоя позиция ясна:
ты — лист, летящий против ветра,
а я надломленная ветка.
Но тем же, чем ты, больна!

г. Череповец

Александр ПОШЕХОНОВ

За овином, за овином,
По еристому живню
Ходит Осень в платье длинном.
Душу мучает мою.

Вышла девка на болота —
Не румяна, не лурина.
Листяная позолота
В косу девки вплетена.

Не моя ли это доля
Запоздалая?
Как знать!
Ходит Осень в чистом поле —
Ни влюбиться, ни прогнать.

Надежда СЕЛИВЕРСТОВА

Гебя по свету ветер носит,
Меняешь лица и дома.
Не только в мире —
В сердце осень.
И приближается зима...

г. Никольск

Татьяна ЛАВТАКОВА

Л. Лавтакову

Африканская страсть,
Неизбывная нежность.
Постоянство, надежность,
И судьбы неизбежность —
Все вместеилось в порыве,
В буйном ветре кудрявом,
Обжигающем, знойном.
Ты в букете гвоздик —
Ароматном и ярком,
Ты в позме экстаза,
Ты в песне чарующих грез
Вечный путник — дорожник,
Созидатель, строитель,
Дунин своей крылья
Раскинул до звезд.

Николай КАРПОВ

Ну скажите, разве это жизнь?
Мы ведь не живем, а вымираем.
«Демократы» по Руси прошлись,
Словно Гитлер об руку с Мамаем!.

02.05.96

Нет ни зреящ., ни хлеба
В нарастающей мгле
Оловянное небо
Плотно давят к земле

Может пурей опасность
Где угодно скосить.
Нам оставили «гласность»,
Чтоб могли голосить... .

Альфред ХОХРЯКОВ

Леса готовятся к зиме
И дружно сбрасывают листву
На землю влажную. И мне
От скверны хочется очистить
Свой дух. Подумать не спеша
О долгах, о друзьях, о личном...
Погода, право, хороша.
Хочу быть также гармоничным.
Кругом чарующий покой,
Ни пенья птиц, ни ветра вздохов.
Закат пронзительный такой...
Но почему же стало илохо?

Валерий СУДАКОВ

АЛЕКСАНДРУ ЯШИНУ

Вот и деревня Блудново.
Вот и Бобринский Угор.
В стенах родимого крова
Яшин живёт до сих пор
Старому дому под крышей
Думы доверю свои.
Голос по эта услышу
В пёсноте зревой хвои.
Здесь, вдалеке от столицы
С морем холодных огней,
Воздух рошимой землицы
Делает барда сильней.
Утром сойдёт он с крылечка,
Елям кинёт всковым.
Спустится с удочкой к речке, —

Сладок Отечества дым.
Как по волнистому зову.
Я за поэтом ступлю.
Горстью воды родниковой
Жажду свою утолю...
И полюбуюсь, как снова
Клином пройдут журавли.
Гайна поэтические слова —
Клад этой добродушной земли.

Владислав ШОШИН

*Вологодские просторы стали школой жизни
для Петра I. Царь не раз приезжал в Тотьму,
знакомился там с работами на соляных
варницах, сам вытаскивал бадью с рассолом.*

Вологодский мой предок был парень,
не промах.
В славной Тотьме копил свое небо не зря.
Никогда не бывал парень в царских
хоромах,
А узреть удостоился все же царя.

Городок небольшой, близко все и знакомо.
Но тут — в деревянную церковь Ильи.
На работу — на варницу, к вечеру — дома,
Все знакомые в Тотьме, все в доску свои.

Только кто там бадью гашит спиро
с рассолом?
Словно труд отбирает привычный из рук.
Гашит соль, но с таким выражением
веселым.
Словно сладкую радость почувствовал
вдруг!

— Это царь! — говорят. Кровь в нем
бурио бродила.
Не сиделось на троне, оставлен был трон.
Это в новую эру Россия входила
С небывалым царем — с вологодским
Петром!

C.-Петербург

Юрий ХУХЛОВИЧ

НЕДОТРОГА

Поверь, мне надо так немногого.
Лишь только нежности и ласки.
Моя родная недотрога.
Пусть станут ярче жизни краски.
Хочу любить и быть любимым
И чтобы счастья полной чашей,
И чтоб оно не стало мнимым.
А было только настоящим
Ты не гони меня под вечер.
Считай, часы остановились.
И так хотелось, чтоб навечно,
И стрелки больше не крутились.
Пусть за окном косые тени.
Моя родная недотрога.
Приляг тихонько на колени
И помолчим давай немножко.
На сердце сразу станет легче,
Мне чувство — но так знакомо,
Но надвигающийся вечер
Из твоего прогонит дома.
Так обними меня покрепче.
Моя родная недотрога.
И процепчи: «До скорой встречи».
Поверь, мне надо так немногого...

Юрий АТЛНОВ

Невольно вздрогнул подорожник,
Качнулся ивой побег,
И рухнул замергло бстрожник.
Что на «авось» рванул в побед.
Какой конвой не терпн шуток?
Псии, спроси у мертвца...
Тонка кровавых незабудок
Струилась около лица
А он лежал недвижно, глядя
Как реет сокол вдалеке...

И было выко того «Надя»
На обескровленной руке.

(из книги «Волчьи ягоды»)

Валентин ШАГИНОВ

В БЕЛЫХ СНЕГАХ

В белых снегах,
Словно в саване скорбном,
Призрачным иллем
Вся запорошена,
Как в наказанье
В бессилии злобном,
Русь распростертая
Северу брошена.

Белые церкви,
Как белые свечи,
Робкой надеждою
Кое-где светятся.
Белые скатерти,
Белые ичи
В избах усталому путнику
Встретятся.

Русь хлебосольная,
В холоде мелитом
Ты сохранила
Свою доброту,
Верою праведной,
Помыслом чистым
Миру явила
Свою красоту.

На небе звездном
Гуманистю млечной
Ты обозначила
Избранный путь,—
Призраком счастья
В безмолвии вечном.

В белых снегах
Суждено нам уснуть.

Галина ШВЕЦОВА

ПОРТРЕТ

Твои усталые глаза
На незаконченном портрете
И красный цвет в полночном свете —
Души измученной грозы.

По кисть смакнет усталость с гляз,
Покончит с красною тоскою
Обнимет голубым покоем
Надежды, окрылившей нас.

Как Вседержитель, я сильна
И властную в своей стихии.
Мне покоряются лихие
Века и Смуты времена.
О эта музыка для глаз!
Я покоряюсь ей, как чуду:
Творя без устали повсюду
Любовь, утраченную в нас.

Вот краска заново легла —
И долгожданная победа.
Ах, если б только кистью этой
Тебя живого обрела!

Вячеслав ВАХРОМЕЕВ

* * *

Как письма жгут, которых не прочли,
Так я с тобой прощаюсь каждый вечер
Две круглых тени ходят возле свечек,
Да чуть трещат порою фитили.
И ночь, и день — все ~~за~~ тебе влади.

От водки мне не делается легче:
Разлука горше и гораздо крепче.
Хоть душу, словно лошадь, запали.
Гоня её по кругу кратких встреч,
По памяти волос, и глаз, и плеч,
И по словам, летящим наугад.
И знаю точно — следующим днем,
Когда с душой мы у свечей замрём.
Всё вновь начнётся — в над или не в над.

Ирина ГОРШКОВА

ЛЕТНЯЯ ПОРА

Лазоревая летняя пора:
Там облениховый гуманный вечер
Одной звездою грусти и добра
Тебя от равнодушия излечит.

Там лено нерламутровой реки
Твою слезу приемлет, как родную.
Там приголубит лист нежней руки.
Там ветры по-особенному дуют.

Там всюду разливается тепло.
Там расцветают пряные упаки.
Там облака медовый мягкий слой
Немного горький и немного липкий.

Там грациозна каждая ветла.
Там коронован тополь лунным светом.
Там незабудкой клумба расцвела.
Там все живёт и дышит юным летом.

Александр ДУДКИН

* * *

Неуверенный и робкий
Вновь подумает поэт
(о памыленной версике

В 35 неполных лет.
И бродяга на вокзале
Без пристанища, без дат
О последнем ритуале
Ночью будет помышиять...
Многое или очень мало
Хочет Бог от нас иметь —
До конца и от начала
Жизнь свою перетерпеть?

Кадуйский р-н

Галина ФИНКЕЛЬ

* * *

Принес, читал стихи, сидел.
И на меня он не глядел.
А я мечтала в тишине,
Когда уснут все, при луне.
А я-то думала о нем
И вечером, и ясным днем.
А он проходит стороной,
Не говорит совсем со мной.

Кадников-Пенза

Лидия АНТЫШЕВА

НЕЖНОСТЬ

Скажи мне, что такое нежность?
Не тот ли розовый рассвет,
Не тот ли маленький поленожник,
Что пробивается на свет?
Не та ли веточка березы,
Что укрывает в жаркий зной?
А капелька на ливной розе,
Умытой утренней росой?

г. Череповец

В мире Рубцова



РОЗЫ НА СНЕГУ

«Я умру в крещенские морозы,
Я умру, когда трещат березы...»

Незадолго до смерти поэт точно предсказал ее.

В морозную крещенскую ночь, 19 января 1971 года Николай Рубцов во время тяжкой скорби был убит женщиной, которую собирались назвать женой. Ему только что исполнилось тридцать пять.

ЛЕТО 1971 года... Вот уже несколько месяцев нет в живых Рубцова.

Вологодское кладбище. Хожу среди могил. Они густо заросли травой и полевыми цветами. Заглядываю в глаза фотографий тех, кого никогда не знала и пропустила об одном: «Господи, прими Николая Михайловича, великого, искреннего человека. Упокой его мятежную душу».

Это было 25 лет тому назад.

Посетить могилу Николая Рубцова пригласили меня Алексей Сергеевич Богачев и его жена Лилия Васильевна (А. С. Богачев — был другом Рубцова).

ВСНОМИНАЮТСЯ похороны. Дом художников. Почетный караул. Весь двор запружен людьми. Когда гроб вынесли и поставили на машину с венками и лонгатой пирамидкой, зазвучала траурная музыка. Длинная процесия, вереница автобусов, легковых машин.

На предпоследней улице окраины Вологды гроб с телом друзья доносили до места на руках...

Я пишу эти строки потому, что знала Рубцова лично. В Вологде на ул. Яшина в доме № 3 в четвертом подъезде на пятом этаже в угловой однокомнатной квартире под номером 66 жил Рубцов. Напротив — мои родственники. И мне в те далекие годы приходилось часто бывать там.

Часто приходилось видеть Рубцова. Запомнилось, как легко и стремительно сбегал он с лестницы, прыгая через ступеньку. Он всегда спешил. Шарф в крупную красную и синюю (квадратами) полоску вперемешку с белой мелкой всегда был на шее. Рубцова за это называли «шарфиком».

Этажом ниже в 62 квартире жил Алексей Сергеевич Богачев — искусный умелец, мастер резьбы по дереву. Он делал замечательные венцы, превращая дерево в кружево. Рубцов часто бывал у него, ахал, восхищаясь тонкой работой умельца: «Ла как ты так можешь, Сергенч??». А тот, в ответ: «А как ты такие стихии пишешь? Так и я — узоры потихоньку воркую. У каждого, брат, свое...».

Однажды я зашла к Алексею Сергеевичу, заказать пакатулку и увидела Рубцова. Он сидел на диване, не доставая ногами пола. Он изурит карие зоркие глаза, — они были веселыми (но чистые — грустными) и играл на гармошке, тихо, но задушевно пел песню: «Тополя, тополя...».

Они дружили долго с Алексеем Сергеевичем. Рубцов ишел сюда со своими бетами, печалью и радостью, спешил посоветоваться с Богачевым.

ЭТОЙ осенью, я снова побывала в доме (хотя мои родные уже живут в другом микрорайоне). Запила к Богачевым.

Сергей Алексеевич был болен. На стене увидела большой портрет Рубцова. И я вспомнила, как здесь, на диване Рубцов играл на гармошке и пел «Тополя». Кажется, это было вчера...

Некоторые вещи, подаренные Рубцовым, свято хранят все годы Алексей Сергеевич

— Прошло немало времени, — говорит Алексей Сергеевич, а люди не забывают!

Приезжают до сих пор, из разных городов России, даже из Германии, Франции, Америки, журналисты на квартиру к Богачевым.

Знают и любят Рубцова, хотят узнать о его жизни еще больше. Алексей Сергеевич гостеприимно всех принимает и рассказывает разные случаи из его жизни, эпизоды.

ЗНАЛА я и Людмилу Дербину (Грановскую). Работала она в то время в библиотеке им. Бабушкина. Была поэтессой. Печатались ее неплохие стихи под псевдонимом Долинина.

Не мне ее судить за иногоя дерзкое поведение, но женщина была красивая, смелая и сильная. Лицо — чистый овал, широко раскрытые голубоватые глаза, чуть вздернутый носик. Ярко-рыжие огненные выносящие волосы рассыпались по плечам, высокая красивая грудь. Очень шло ей платье ярко-зеленого цвета, декольте.

У Рубцова было много друзей. Собирались в его квартире Сергей Багров, Сергей Чухин, Василий Белов, Александр Романов, Виктор Коротаев и другие. Запомнился красивый, голубоглазый начинающий тогда поэт из Великого Устюга Валентин Суховский.

К Рубцову приезжали сокольчане Александр Николаевич Рачков, Феликс Маркович Марон, Александр Иванович Сушинов. Я их запомнила с тех времен! Бывали вологодские графики-художники Николай и Генриетта Бурмагины.

ОЧЕНЬ жаль, что в жизни Николая Рубцова было много запутанного и мрачного. Он испытывал на своем веку немало тягот, обид и оскорблений. Но вот в чем чудо: в стихах это почти не ощущается, хотя и было у него сиротское детство, отчество, скитальческая, бесприютная жизнь (почти до последних лет жизни у Николая Михайловича не было никакого пристанища). И потом суровая морская служба на Севере наложили свой отпечаток. Оттого и трудный, неуравновешенный характер, глубоко противоречивый. Он был то предельно кротким и застенчивым, похожим на нахохлившегося воробья, то паразитским и суровым.

Но, главное, каким редкостным поэтическим даром наделен был этот небогат и небрежно одетый человек, с рано облысевшей головой и не блещущим красотой лицом!

НЕ ОШИБУСЬ, если сравню Рубцова с Есениным. Их судьбы схожи. Рубцов и Есенин, как родные братья (по поэзии и по натуре). Два великих поэта! Нашего Рубцова тоже знает весь мир. Его стихи печатаются на многих языках.

Он успел написать очень много прекрасных стихов о Родине, о природе, о любви, истории и жизни народа. Одиночество, страдание — всегда были с ним, поэтому общение с природой радовало его душу и давало новые силы для его творчества. Он умел удивляться и радоваться всему новому.

С какой красотой и любовью он воспел русскую, вологодскую природу, передал ее простоту, задумчивость.

А сколько песен на стихи Рубцова мы слышим по радио уже в музыкальном исполнении. И душа вместе с ним радуется и грустит.

ПО ЭГУ исполнилось бы 60 3 января. Но четверть века его нет с нами. И только память о нем будет с нами всегда.

На доме, где жил Рубцов, появилась мемориальная плита с надписью «В этом доме жил великий русский писатель И. М. Рубцов (1936—1971 годы)». Памятник Рубцову есть в Тотъме, будут — в родном Емецке и в Вологде. В честь его названы улицы. Создаются музеи. В рубцовские юбилейные дни проходят вечера, выставки.

Мне очень понравилась мемориальная выставка, которая была в Вологде в Воскресенском соборе — картинной галерее. Она называлась: «Нельзя душа останется чиста». Как хорошо и трепетно постоять в задумчивости перед немногими сохранившимися личными вещами И. М. Рубцова, которые помнят тепло его рук: гармонь-двуухрядка, пишущая машинка, тельняшка. Книги Тютчева, Фета, скромный перстяной шарфик. Редкие фотографии — семейные и с друзьями. Зачетка студента, диплом о высшем образовании. Письма...

Потрясло полотно «В минуты музыки — портрет поэта». На фоне красивой, извилистой реки Толмы в Николе, поэт задумчиво смотрит в даль. В руках держит ветку снежной красной рябины. Осень. Стога свежего сена. На противоположном берегу мальчик привел красивого коня на водопой. Выше на холмах видны дома деревни. Картина принадлежит кисти художника Евгения Соколова.

Молодой художник Г. Осинев представил портрет Рубцова. Поэт как живой. Такое ощущение, что он вот-вот что-то скажет.

В Соколе, Кадникове тоже прошли вечера, посвященные юбилею И. Рубцова.

И СНОВА, спустя 25 лет, удалось побывать на его могиле.

Вместо доцатой пирамидки (в 1973 г. был поставлен памятник) на мраморной плите — бронзовый барельеф, у подножия памятника выбитая из камня строка поэта «Россия. Русь! Храни себя, храни!...». И множество цветов: корзинки с огненно-красными розами. Эти розы рдели на январском снегу.

Г. Арефьева, 1996

СВИРИДОВ О РУБЦОВЕ

Мы знаем, как высоко ценили поэзию Рубцова выдающиеся композиторы Валерий Гаврилин, Вадим Салманов и другие. А недавно вышла книга великого русского композитора Георгия Свиридова «Музыка как судьба», многие страницы которой посвящены Николаю Рубцову.

Долгие годы любимыми поэтами Свиридова были Есенин и Блок, а затем он поместил в этот блестательный ряд и нашего поэта-земляка. Вот несколько примеров из книги Свиридова:

«Бывают слова изумительной красоты (например, Рубцов) — они сами музыка. Они не нуждаются в музыке, либо для воплощения их в музыке нужен примитив, который донесет красоту этих слов».

«Николай Рубцов — тихий голос великого народа, потасиний, глубокий, скрытый»

«...Жизнь художника, музыканта или поэта по-прежнему весьма сложна, судьба его непредсказуема: например, судьба Есенина, М. Булгакова или Николая Рубцова, Клюева».

«Два типа художников: первый тип — А. Блок, С. Есенин, Н. Рубцов, Мусорский, Корсаков, Рахманинов — поэты национальные (народные). Они никому не служат, но выражают дух нации, дух народа, на него же опираясь... Второй тип художника — прислуга...»

«Поэзия Русская: до Рубцова, Передреева, Прасолова, Вл. Соколова, Куняева, Кострова, Ю. Кузнецова, Лапшина. Некая вялость, прибитость средой, всеми этими Вайнштейнами...»

Надо сказать, что Свиридов в своем композиторском творчестве несколько раз обращался к стихам Рубцова. Например, он сочинил музыкальную поэму «Золотой сон (Из Николая Рубцова)». В одной из тетрадей композитор перечисляет свои творческие планы в таком порядке — Молитвы, Рубцов, Блок, Пушкин.

Некоторые стихи Рубцова Георгий Свиридов называет в своей книге «Музыка как судьба» гениальными. А в заключение этих заметок хочу привести такой факт. На титульном листе книги стихотворений Рубцова рукой Свиридова написано: «Эту поэзию надо нам свято хранить! Могут сказать: Рубцов — не Пушкин, не Блок... Неважно! Какой он есть — он единственный. Другого — нет!»

Станисла КУНЯЕВ

ПАМЯТИ Н. РУБЦОВА И А. ПЕРЕДРЕЕВА

Мои друзья, вы вовремя ушли
От инишеги, разрухи и позора.
Вы стали горстью матери земли,
Но унаследили объятий мародера.

Я всех грешней. Есть наказание мне:
В своей стране живу, как иностранец.
Гляжу, как воцаряется в Кремле
Очередной законный самозванец.

Какая неожиданная грусть —
На склоне дней подсчитывать утраты
И понимать, как распинают Русь
Моих времен Иуды и Пилаты.

1991

ФАКТЫ И МНЕНИЯ

Живут в Москве удивительные женщины — М. А. Иолкова и В. Л. Зинченко. Майя Андреевна создала в библиотеке замечательный музей Николая Рубцова. Валентина Дмитриевна подготовила и издала сочинения великого Рубцова в трех томах. Я преклоняюсь перед духовным наследием этих людей.

Вячеслав Ільков

Николай БУШЕНЕВ

По миру, как по миру, я пойду.
И бессребреник, и дитя. —
Вливаясь в бел его череду
За познанье болью плата.

1991

Я иляюсь в супоке ритменной,
чтобы вбрать в себя рисковость
и Элюара, и Уитмена,
и Белого, и Лутовского.

Научинься тут вряд ли, ежулыничав.
Внедряюсь в мира гвал глубоко.
Встречаю на взветрёных улицах
я Маяковского и Блока.

Но я ве никих не преследую.
Ведь не они, а время гид мой.
И коль смогу, то вам поведаю
его, клюочущего, ритмы.

Что ж я о себе да о себе?
О народа б горестной судьбе...
Что ж я ве о собственной душе?
Быть бы всей вселеной агаше!
Что ж я о теперь да о теперь?
Распахнуть бы в будущее дверь..

Отвечаю. Потому, что я —
каня в океане бытия.

Надо читать, тома ворочать
Если не дни напролёт, то ночи.
Надо читать взахлёб и с нагуей.
Знать книги недруга, книги друга.
Книг непрочитанные горы —
Как неизведанные просторы.
И нераскрытые фолианты —
Как нераскрывшиеся таланты...

СТИХОТЕРАПИЯ

Растет неделанного груз.
Я недотела, нытик, трус.
Последний неумека.
Скучаю, сплю, лежу, хандрю.
Иль несусветное творю.
Ведь мой Легас — калека.

И спотыклил он, и упрям.
Плется с горем пополам.
Мой росинант бескрылый.
Куда плется? В никуда.
А с ним плется ерунда...

Попинешь — отнстило...

Улизнуло за леса
Солнце огненной лисою.
И вовсю — мечтой Ассоли —
Полыхают паруса.

Вот и сумерек сурьма
Всё кромешней, все плотнее.
Полночь — деспот. Но под него —
Дня бушует кутерьма —

Из норы позвёт лиса.
Снова света, шума вводю,
И опять — мечтой Ассоди
Полыхают нарусы.

Ну и пусть круговорот,
Смена красок, настроений
И всегда природа — гений
Мрачный и наоборот

А вот ты, и он, и я...
Тоже движемся по кругу
По сродниль мы ей по духу!
Вытворяем, не творя..

* * *

Эти благостные мгновения,
Когда жаждя творить,
Ветер солнечный вдохновения
И крылатая прыть.

И безоблачное сияние
Летки радостных глаз..
О божественное состояние.
Слизойди хоть на час!..

НАШ ЛАУРЕАТ — Виталий СЕРКОВ

Новым лауреатом нашего журнала стал поэт Виталий Серков. Он удостоен приза за последние стихотворения и статьи, в том числе опубликованные в журнале «Автограф».

Виталий Серков — автор нескольких книг, член Союза писателей России. Живет он сейчас в Сочи, но не порывает связей с родной Вологодской землей.

Поздравляем Виталия Геннадьевича и желаем новых творческих леяний в русской словесности.

Редакция



Виталий СЕРКОВ

АКРОСТИХИ

* * *

Какие в сентябре я видел звездопады!
А как томилась грудь неведением судьбы!
Божественный огонь смиряющей лампады
Едва ли мог судьбу поставить на дыбы.
Рябиновая гроздь, родных могил ограды.
Овинны у реки, замшелость городьбы
Вошли в надел души, как брошенные зерна.
Уже и грусть взошла, но разве грусть зазорна?

* * *

Безмолвием томим, устав от перебранок,
Анапест и хорей оставил на «потом»,
Решил я убежать на волю спозаранок.
А с воли — в царство грез неведомым путем.
Кому я нужен здесь, измученный подранок.
Оболганный тайком завистливым плутом?
«Вернемся ли назад? — пульсирует тревога,
Убога жизнь твоя, и та — в горести у Бога...»

ИЗ ДЕТСТВА

Летели журавли на древние озера,
Курлыча о своей тревоге и тоске.
Апрель напоминал гуляку и позора.
Нытаясь удержать весну на водоске.
Ломали реки лед, не ведая позора.
И сыростью полян дышали все в леске.
Не веря в чудеса, шумя, мальчишек «шайки»
Уже неслись с мячом на рыхие лужайки.

Критика и публицистика

Юрий АРХИПОВ

РОДНОЕ И ВСЕЛЕНСКОЕ — 2

(окончание)

По пора, кажется, пожалеть себя. И подумать, как нам жить, как освобождаться от их железной удавки на шее. Как набраться христианского терпения и мужества — потому как ясно, что борьба предстоит долгая, во второй раз они, поддерживаемые всем миром, сели на шею нам еще крепче, чем тогда, в 1917-м.

Что для этого нужно? Прежде всего, понять, где и с чем мы оказались. И лергаться подальше от всяких губительных иллюзий. Ну, вроде той, что под знаменем Ленина-Стилина нам было хорошо. Зло не становится добром оттого, что сменился другим злом. И как нам, грехиным, измерить его размеры? Каждый из нас орудует удочкой, сидя на берегу оксана. Ясно лиши что, то зло было статично, а это индивидуально. А стало быть, требует большого напряжения сил, но оставляет и большие шансов.

Делать дело. Свое русское дело вопреки всему. Перестав фанфаронить: мол, слушай сюда, мы — Третий Рим и последний. Страну-то, о которой так можно было сказать, мы профукали. Дважды за один век. Так что время терпеливо и скромненько собирает силы. И по-новому врастать в мир со всем старым хорошим (сакральным), что нам от предков досталось. В частности, крепить отношения с тем же Западом, нести туда свое русское слово. Вопреки «им», винчающим ныне Западу, что русское слово теперь только у них, в их кащеевом сундучке. Слойкой и уверенно указывать им и Западу истиное их место.

Знать и помнить, что без нашего, родного, вселенской может быть только тоска.

Проблем тут хватает: Вот ведя и та моя давняя статья в «Н» не осталась в Германии незамеченной. И тоже поубавила число моих новообретенных друзей. А те из них, чье чувство утвердилось неколебимо, до сих пор не устают остеграть в Германии нутрии тщательно взвешивать каждое слово, чтобы не дать повода к скорострельным обвинениям, а некоторых тем лучше вообще не касаться. Помни о том, что слово «национальное» звучит в Германии как «наци», а слово «еврей» можно употреблять только в одном единственном контексте — как фактор немецкой вины. Оно и правда — «ходить бывает скользко по камушкам иным», как писал классик. Но и привычку сидеть весь век под корягой русские классики тоже не одобряли.

Впрочем, у наших взаимных трудностей, как известно, очень глубокие корни. С тех пор как Петр прибилнул нас (кувшинным рылом, как некоторые полагают) к Европе, а Екатерина с Суворовым, а затем и Наполеон нас в нее взвинули, мы (и они, конечно, и они!) не устаем на эти трудности жаловаться, их живописно расписывать, им удивляться, их проклинать. Одного только не делаем — не пытаемся их толком преодолеть. Что-то не припоминается ни одна инициатива в этом направлении. Одни заклинания. Вот уже два века русские все жалуются, что «в Европе холодно» (Мандельштам), а европейцы — что в России темно. И все пытаются свести к нехитрой схеме противостояния полноправной интуиции и худосочного рационализма. Причем в классическую пору у нас на этом сходились даже славянофилы с западниками. Герцен еще и похлеще бичевал Запад, чем Хомяков. Современные-то наследователи идей и вовсе упростили себе задачу — так называемые западники просто хотят, «чтобы все было как у них», даже не задумываясь, а возможно ли, а надо ли нам уж так прямо «всё-всё», да еще сразу, вынь да положь, а современные славянофилы и вовсе не прочь отгородиться от всего западного как от заразы, забывая, что в этой заразе умели находить святыни и Пушкин, и Гоголь, и Достоевский, и даже Розанов, которыми они почему-то клянутся.

Более ярче всего эти грунности обнажились, конечно, в пору первой послереволюционной эмиграции, когда почти весь цвет интеллигентской России в одно сентябрьское утро 1922 года был препро-

вожден в петропольский порт на корабль и насилием доставлен в Любек. Бердяев, Булгаков, Ильин, Франк, Лосский красноречиво поведали потом о трудностях нахождения общего языка с западными коллегами. Живописности сине и наизнанку горяча, но схема осталась прежней: трудно-де живой и грающей мысли (то есть руссистическому легкомыслию — с западной точки зрения) рядом с мертвящим научообразием.

Тут мы вплотную приблизились к собственным трудностям соприкосновения с немецкими коллегами, до каковых трудностей, одино спасибо, что дожили.

Вот занятный штих. Как-то в Дармштадте, когда я там работал в архиве, моя хозяйка-немка, подавая мне утром почту, спросила, почему мне все пишут «профессор» или «доктор» на конвертах, а сам я никогда не прибавляю к фамилии эти титулы. Я сказал, что в России не принято прятаться за своим званием: выписывать его у нас может только какой-нибудь шут, расписывающийся тем самым в своей исподночности. Но ведь это звание честно заработано, возразила хозяйка.

Пришлое попутить, что все заработанное не имеет в России цены, а ценится здесь только благотать, то есть дар Божий.

Кто же не почувствует, сколько в этой шутке правды.

Размышляя о наших отличиях, приходится признать: история все-таки престраннейшая штука. Получилось вроде так, что коммунисты, держа нас под вожделейшим колпаком, тем самым как бы раззадоривали наше вольнодумие, прямо-таки холили нашу свободу. А разливавший либеральный иллюризм в Германии породил странное единство мыслей. И окрас у здешнего автоматического мышления по преимуществу сугубо левый. Впечатление таким образом такое, что здесь все свободолюбиво твердят то, что нам насилием вталбливали. Как, например, директор музея и архива Йёйне в Дюссельдорфе, который на одной из конференций стал мне объяснять, какие великие заступы имел его подонечный поэт перед революционным движением, ссылаясь на труды моего же университетского профессора, над которым у нас на курсе кто только не потешался.

Вероятно, органический полифонизм заложен в нас и евразийностью нашей, и имперским устройством. А из немецкой, даже самой ветреной голове то и дело проглядывает колпак Михеля.

Та же не состыковка и в «метафизических» вопросах. Тут немцы не хуже нашего впадли в крайность. Раз нацистская идеология основывалась от части на иррационалистических концепциях, то долой всякий иррационализм. Прямо как-то неудобно бывает в Германии отстаивать — от наседающих немцев! — традиции Беме, Шеллинга, Кассиера, Хайдеггера, не говоря уже про Юнгера или Шmitta. Всякое приближение к иррациональному, тайному или вовсе вере — здесь «серединековье», «мракобесие», «позавчерашний день». Поражительна эта, конечно, континентальным мышлением рожденная уверенность в том, что ценные традиции мысли могут быть навсегда «преодолены», что все новое, оснащенное новой методологией, неизмеримо значительнее «устаревшего». (Помните: «Пионер выше Канта...»). То есть мы живем только во времени, а не в вечности. Это связано, разумеется, и с более чем прохладным отношением к религии, к христианству. Фрейд или Маркс или, особенно, Деррида и Фуко куда больше говорят сердцу современного немецкого интеллектуала, чем любые светочи христианской мысли.

Еще одно проявление европонентризма — выбор литературных имен, «обязательных» с точки зрения местных излателей для знакомства с культурными достижениями современной России. Имена эти русскому критику даже неприлично брать в рот, да они и так навязли у всех в зубах: литературная, как и всякая другая, мафия свое дело знает тую. Ну ладо, они похожи на то, что местный культурный психоз выдает за «новое» слово в литературе, как похожи друг на друга все нынешние — совершенно беззинкие, поистине клонированные — авангардисты. Но неужели неинтересно узнать и другое (реалистическая и есть теперь другая литература)? Хотя бы то, что ведущие русские критики (опросите хоть сто человек) считают наиболее ценным в России? Не интересно... «Старо-е!»

Но есть, есть и благодатные признаки. И даже неискажающего несметня ни на что интереса к России в элитарно-культурных слоях, но и какого-то явного «обруссения». Это у нас утверждается культ хищной наивки, а там все больше нарастает тяга к мудрому воздержанию, бескорыстию, самоотверженной помоши и «соборности» прямо-таки былой русской вылески. Как не вспомнить тут

выдающихся профессоров-славистов — Вольфганга Казака из Кельна, Петера Гиргена из Бамберга, Йоханнеса Мюллера и Рольфа-Диттера Клюге из Тюбингена. Вольфа Шмидта из Гамбурга и особенно Рольфа-Дитриха Кайля из Бонна, президента Немецкого общества Пушкина, автора лучшего на сегодня перевода «Евгения Онегина» на немецкий.

Судьба явно благует меня немецкими дружбами, встречами с теми, кто искренен в своих глубоких симпатиях к России и русской культуре. Увенчанный лаврами писатель Мартин Вальзер готов часами говорить со мной о России. Не меньшая литературная знаменитость Вальтер Йене с гордостью сообщает мне, что берет — на восьмом десятке! — уроки русского, чтобы в оригинале читать любимицев Президента общества «Запад-Восток» Иогр Бозе не устает по всей Германии устраивать «русские вечера» да спаряжать экскурсии по Волге и нашим северным озерам. А католический пастор Гретор из живописнейшей церквишки на Боденском озере, который чуть не погиб за монастырским вином, толковал мне о том, что испиние только православное христианство. А мой друг президент общества Гете Вернер Келлер, львиную толику немалого своего кошта уделяющий помощи русским. А другой мой друг, германист Фриц Хакерт из Тюбингена, что устроил, выходя на пенсию как положено в 65 лет, грандиозный банкет на сто персон, пригласив на него и всех моих единого русских студентов..

Есть, есть у нас перспективы. Даже в политике или, если угодно, в геополитике. Вот в связи с Ираком проklärнувшийся мост Москва-Берлин-Париж, не обещает ли он создание в будущем деятельностиного культурного союза, способного противостоять надвигающемуся бескультурью?

Хочется все же верить, что сбудутся пророчества (например, Серафима Саровского), и Россия не только сама испытает расцвет, но и послужит вселенскому делу. Православная, национально мыслящая молодежь, заполняющая по воскресным дням наши храмы, крепостью веры своей питает такую надежду. Пусть ее пока не так много, но она пассионария. И, что заметно, обретает крепкий фундамент. Никаким ящиков не сбить с толку тех, кто как дважды два объясняет вам разницу между Флоренским и Фиоровским. И твердо знает, кто из них и в чем был прав. И твердо помнит, чье дело призван продолжить. И зачем явился на этот свет.

Как сказала мне моя двадцатилетняя дочь: «Чтобы умереть за Христа и Россию».

«ЛГ»

«К ТЕБЕ ПРИШЕЛ Я, КРАЙ РОДИМЫЙ...»

В августе мы отмечаем 110-летие со дня рождения Алексея Ганина, вологодского поэта, современника и друга великого Сергея Есенина.

Напомню, что Алексей Ганин родился в деревне Конинино Кадниковского уезда. Ихине это Сокольский район нашей области. А убит поэт был во времена «красного террора» в Москве. Его обвинили тогда в «фашизме», сфабриковали дело. Грустно и страшно все это. Сомнюсь хотя бы на мнение А. Солженицына, высказанное по сходному поводу: «А иные всякое проявление русского национального сознания — резко осуждается и поспешно примежуется к «фашизму», которого в России и не было никогда, и который вообще невозможен...»

Замечу, кстати, что эпиграфом творчества и юбилеев Ганина часто выбирают его строки: «К тебе принес я, край родимый, чтоб полюбить, прощая всех.» Поэзия Ганина — это поэзия любви, а не ненависти. А первые «Ганинские чтения» в наше время прошли в Соколе в августе 1989 года. Инициаторами их стали тогда писатель Александр Ерзек, поэт Валерий Мурин и автор этих строк. Пас поддержал тогда поэт Александр Швецов и Сокольский отдел культуры.

Потом о Ганине стали больше говорить и писать. Вышла книга стихов и прозы поэта, появились другие публикации. Этому много способствовали родные сестры поэта — Мария и Елена. С Марией Алексеевной, жившей в Северодвинске, я начав переписываться примерно в 1988 году. Когда она умерла, переписка продолжилась с младшей сестрой Еленой Алексеевной, она приезжала к нам на

чтения. Затем Елена Алексеевна перебралась из Архангельска в Вологду и скончалась уже здесь. Я частенько навещал ее, это была очень добрая, красивая, интеллигентная женщина. Часто любила вспоминать, как еще девочкой сидела на коленях у Есенина. Она передала мне свою автобиографию, заметки о брате, часть фотографий и свое собрание конининских частушек. Сестры поэта подсказали нам тогда два вологодских адреса, где некоторое время жил А. Ганин — дом Ломакина на ул. Урицкого, 70 и квартира в доме Мазалева на ул. Мира, 16. Внизу был магазин «Мясо, колбасы».

В 1993 году в Соколе и селе Архангельском широко отмечалось 100-летие со дня рождения Ганина. Было много гостей, в том числе из Москвы. На месте деревни Конинино был открыт памятный камень. И вот новый юбилей, новый праздник на сокольской земле. Своего поэта земляки не забывают.

Вячеслав Белков

Анатолий КАНЕВ

ЗАПИСКИ ИЗ ДОРОЖНОГО ДНЕВНИКА

28 сентября 1995 года, четверг

Стучат колеса вагонные. Идет второй день моей поездки в Москву на Международный научный симпозиум, посвященный 100-летию со дня рождения Сергея Есенина.

Читаюший эти строки возможно задумается, почему какого-то учителя русского языка и литературы, не учившего ученица в городе, пригласили на международный симпозиум? Не ошибка ли? «Воздушным клюшком» для этой поездки стали многолетние литературные поиски о жизни и творчестве Сергея Есенина. В наше время трудно найти что-то новое, неизвестное, однако редкие фотографии Сергея Есенина, полученные в дар из города Иваново от старейшего фотографа Н. И. Невского, перевинка с сыном поэта Константином и женой поэта Надеждой Давыдовной Вольгин позволили мне поближе познакомиться с учеными-литературоведами. Так с помощью друзей я получил официальное приглашение на симпозиум с правом выступления с докладом.

Под стук колес появились первые стихи:

*Я хотя и не поэт,
Поэту в каком-то жаре,
Все ищу незримый след
От Есенина в Самаре...*

Интересно, почему так легко пишется в вагоне под стук колес...

Редкий гость столицы, я с большим трудом разыскал улицу Новарскую, дом №25а, где находится Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской Академии наук. Один из секретарей — А. Н. Захаров помог мне решить проблему с гостиницей (позднее я узнал, что иностранные гости бесплатно проживали и питались в гостинице «Россия»).

В этот же день я присутствовал на презентации академического полного издания сочинений Сергея Есенина в семи томах. Это итог длительной кропотливой работы отечественных и зарубежных исследователей творчества Сергея Есенина. Выступали директор ИМЛИ Ф. Ф. Кузнецова, ветераны нашей литературы Сергей Михалков, Сергей Кончакин, писатели, зарубежные гости...

Позднее я был на торжественном вечере в зале имени Чайковского. Несмотря на началом увидел и взял автограф у внушки поэта — Марину Константиновну Есениной.

29 сентября пятница. Работа симпозиума.

Еще до начала симпозиума обратил внимание, как встречаются друзья-единомышленники: рукопожатия, обятия, радостные возгласы, обмен сувенирами, фотографиями и т. д. и т. п.

Я тоже стал разыскивать Валентину Евгеньевну Кузнецовой из города Рослякова Мурманской области, с которой давно переписывался, но ни разу не встречался. Почему-то она казалась мне какой-то небыкновенной, а все оказалось проще. Невысокая, пожилая, худощавая женщина в красной кофте — она стала моим «добрим ангелом», оказавшим большую помощь в моих литературных поисках. Я с благодарностью расцеловал ее за заботу обо мне и бесконечные «подарки» в письмах: фотографии и ценные сведения о жизни Сергея Есенина.

Здесь же я встретил земляка из Самары — Вадима Сергеевича Баранова, инженера с завода имени Масленникова. Он является автором книги «В селе под Рязанью» о детстве Сергея Есенина.

В фойе была распродажа новых книг. Цены высокие. Например книга-альбом о жизни Есенина стоила 140 тысяч рублей. Несколько пачек этих книг были раскуплены за 20 минут. Я мог только позавидовать другим: за такую сумму я работаю половину месяца!

Купил книгу из серии ЖЗЛ «Сергей Есенин», автор — Станислав Куняев, издательство — «Молодая гвардия». 1995 год. По моей просьбе автор написал на книге: «Анатолию Ивановичу Каневу и всем друзьям и читателям Есенина в Самаре от автора. Ст. Куняев». (Соавтором этой книги является также и сын Куняева — Сергей).

На симпозиуме я познакомился с китайским профессором Пекинского университета Ван Шуежнем — переводчиком стихотворений Есенина на китайский язык.

Получил визитку и договорился о переписке с переводчицей из Японии Тиэ Ооги с острова Хакайдо и ученым Гардоном Маквеем из Англии (город Бретон) и другими.

Встретился с Николаем Федосенко из далекого поселка Киря Пермской области: он собрал 892 книги о творчестве Сергея Есенина, составил картотеку всего, что уже напечатано о поэте; собрал более 200 экслибрисов и более 35 значков. Поисками занимается более 40 лет.

Выступления докладчиков продолжались не более 20 минут. Запомнилось выступление Ю. Я. Прокунева на тему «Прозрения гения Есенина в XXI веке» (докладчик является главным редактором полного собрания сочинений Сергея Есенина).

30 сентября, суббота.

Согласно плану симпозиума состоялась поездка в г. Рязань и на родину С. Есенина — в Константиново. Это мероприятие было организовано, в первую очередь, для иностранных гостей и наших именитых ученых.

Днем был в книжных магазинах, дошел по Тверской улице до памятника А. С. Пушкина. В Тверском переулке смотрел, как шли последние приготовления для установки памятника Есенину.

На купленной книге Анатолия Панфилова «Есенин без тайн» получил такой автограф: «Анатолию Ивановичу Каневу от Анатолия Васильевича Климочкина — архитектора и автора памятника Есенину в Москве». Взять этих слов расписался скульптор, народный художник России, профессор Бичугов. А вечером я сочинял новое стихотворение.

*Заговорила роща золотая
Поцелуями, современными языком
Судьба Есенина такая.
Что от обиды в горле ком.*

1 октября, воскресенье. Секционные заседания.

Для докладов по интересам было создано 4 секции:

1 секция — «Есенин академический. Проблемы издания и творчества»

2 секция — «Есенин и русская литература XX века».

3 секция — «Проблемы библиографии творческого наследия Есенина».

4 секция — «Народное Есениноведение. Поиски ведет «Радчина».

Последняя секция была самой крупной, в нее входил и я. Мой доклад назывался «Сергей Есенин — всегда молодой и красивый. Поиски и находки литературного кружка «Воджане». Свой доклад я закончил стихотворением, посвященным Сергею Есенину Оценкой стихов были дружные аплодисменты всего зала (Больше авторских стихов никто не читали).

Земляк Вадим Баранов выступил с докладом на тему «Новые адреса Сергея Есенина в Москве» — результат его многочисленных поисков.

Интересными были выступления В. В. Ниличенко из г. Тулы на тему «Сергей Есенин и литературная Тула 20-х годов», В. И. Синельникова из г. Липецка — «Из опыта работы общественного музея С. А. Есенина».

В обсуждении докладов принимали участие и зарубежные гости из Китая, Японии, Америки и т. д. 2 октября, понедельник.

В 11 часов утра на Тверском бульваре состоялось открытие памятника Сергею Есенину. На торжественное открытие пропускали только по пригласительному билету, который у меня, к счастью, был.

Собрались тысячи москвичей, желающих подойти поближе к памятнику, но ребята из ОМОНа были неумолимы.

Изваяние поэта было установлено на пьедестале из гранита, добывшего на Кольском полуострове. В облике молодого поэта — задумчивость и светлая печаль. Он стоит во весь рост, облокотившись на ствол дерева.

Открыл митинг мэр города Москвы Лужков, он поздравил москвичей и гостей с открытием долгожданного памятника.

Москва была связана со всеми великими писателями и поэтами страны. И открытие памятника здесь — это признание таланта великого поэта земли русской — Сергея Есенина. Позия Есенина вечна и незабываема, как Россия.

Проникновенно говорили: министр культуры Евгений Сидоров, автор книг о Есенине Юрий Прокунин и другие.

На открытие памятника пришел лауреат Нобелевской премии писатель Александр Солженицын. Его сразу же окружили кино — и фотокорреспонденты разных газет. Мне стояло больших трудов подойти к нему ближе и сообщить, что я привез ему из Самары фотографии из училища, а также стихотворение «Солженицын выбрал нас». Александр Исаевич сообщил мне адрес своего представительства в Москве, где я и побывал в тот же день, передав ему свой материал.

Вечером я был в Колонном зале Дома Советов, где состоялся спектакль, посвященный 100-летию Сергея Есенина «Люблю до радости и боли».

Выступали: киноартист Джигурда, певец Соловьевенко, балерина Плисенская и другие. 3 октября, вторник.

Последний день симпозиума был особенно насыщен мероприятиями. Утром состоялась экскурсия по есенинским местам Москвы с посещением музея. Первый московский адрес Сергея Есенина — Большой Строченовский переулок, 24. Есенин впервые приехал сюда в 1911 году и поселился у отца, в Замоскворечье. Отец его, Александр Никитович, долгие годы работал приказчиком в мясной лавке купца И. В. Крылова. Здесь Есенин прожил почти восемь лет, до 1918 года. Позже он напишет: «Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва» (1922 год).

В 13 часов участников симпозиума привезли на Ваганьково для возложения венков на могилу Есенина. Я видел горы цветов, бесконечные толпы людей, которые шли и шли в этот юбилейный день к памятнику любимого поэта.

В 15 часов состоялось заключительное заседание симпозиума, где было сообщено, что за прошедшие дни было сделано более 80 докладов гостями из 20 городов нашей страны и более 10 зарубежных стран.

Вечером побывал на есенинской выставке в Государственном литературном музее по адресу Трубниковский переулок, 17.

Эту выставку невозможно было осмотреть за отведенный час, требовалось длительное время, так как здесь находились много подлинных фотографий, редких документов и даже личных вещей поэта.

В этот же вечер купил билет на поезд. Билет дали на поезд № 86 Москва — Ташкент. 74 года тому назад Сергей Есенин направлялся таким же поездом Москва — Ташкент в гости к самарскому поэту Александру Ширяеву.

Сгущат колеса вагонные. Скоро появится Самара. Это значит заканчивается моя поездка.

КРЫЛАТЫЕ СТРОКИ НИКОЛАЯ ФОКИНА

Вологодскому поэту Николаю Фокину в этом году исполнилось бы 50 лет. Но он ушел от нас в 1995 году.

А родился Николай Васильевич Фокин в деревне Котельниково, ныне это село Можайского Вологодского района. Жизнь, пояснила Николая по свету, и по нашим местам. В последние годы он жил в Нюксенице. Печатался поэт в газетах и журналах, в коллективных сборниках. Успел выпустить при жизни единственную книжку — «Посошок» (1993). Был принят в Союз писателей России.

У Николая Фокина был большой лирический дар, невероятная открытость. Это реальность в поэзии, в стихотворстве. Кроме того, перечитывая его посмертную книгу «Стихотворения и поэмы», любовно изданную земляками, я заметил, что многие строки Н. Фокина могут стать крылатыми. Настолько они емки, афористичны, легко запоминаются. Например, вот эти:

*Вступаю в лес, и ужас бытия
Сметаю с сердца раненого разом...
Спасибо тебе, Господи, за чудо,
За это слово ласковое — лес.*

Это сказано по-своему, и обратите внимание на тончайшую звуковую организацию стиха — «слово ласковое лес»! Без этого не бывает поэзии... Или еще строчки! «Заливаем души, чем попало. Пьяных душ — не трогает беда...», «Я много думал этой ночью о древней родине моей...», «Душа болела от добра...», «Я пришел не иметь. Я пришел, чтобы быть...», «Укради, судьба, удачу. Только песню не бери...», «Меня учить не надо, как родину любить...» и многие другие. Здесь живет гармония. Но надо заметить, что истоком поэтического творчества Н. Фокина было, видимо, страдание, тяжелая судьба. Об этом — произвольное стихотворение «Возвращение», которое мы здесь публикуем.

Вячеслав Белков

ФАКТЫ И МНЕНИЯ:

«Отмена смертной казни — демонстрация равнодушия к жертвам преступлений.»
«ЛГ»

Николай ФОКИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я не могу тот город серый
Теперь без орожи вспоминать.
Где от работы непомерной
Сошла в могилу рано мать.
В трущобной сырости барака,
В своей квартире-конуре
Мы жили хуже, чем собаки
В январский холод на дворе.
Не оттого ли запивался
Дурною брагою барак.
И долго, долго не кончался
В нем расхоронившийся барак.
Я до сих пор при слове «отчим»
Весь напрягаюсь, как струна
Его побоищные ночи

Не вынес бы и Сатана
И я, скрываясь у соседей.
Мечтал, что, может, повезет:
На праздник бабушки приедет.
Меня в деревню увезут.
И та, приехав, увозила...
Потом забрала навсегда.
Тот день отъезда хлопотливый
Я не забуду никогда.
И как в начальной сельской школе
Меня приветили с теплом.
И я не думал уже более
«Как застра день переживем».

1988

«ПОЭЗИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ДОБРОЙ!»

В одной из книг В. Белкова я прочитал об «особенном взгляде» Рубцова на женскую поэзию. «Ему мало что нравилось в ней», — пишет Вячеслав. А известную поэтессу Ц он называл «ведьмой». Так ли это? Ответ на этот вопрос я нашел у самой Ц. «Состояние творчества есть состояние паваждения», — пишет, например, она в статье «Искусство при свете совести», — ... Что-то, кто-то в тебя вселяется, твоя рука исполнитель — не твой, а того ...»

И еще. По мнению Ц., искусство — «третье царство со своими законами, из которого мы так редко спасаемся в высшее (и как часто — в низшее!) Третье царство; первое от земли небо, вторая земля. Между небом духа и адом рода искусство чистилище, из которого никто не хочет в рай».

«Когда я при виде священника, монаха, даже сестры милосердия — неизменно — недолимо! — опускаю глаза, я знаю, почему я их опускаю, — продолжает Ц. далее — Мой стыд при виде священника, монаха, даже сестры милосердия, мой стыд — венить.

— Вы делаете божеское дело.

— Если мои вении отрещают, проевшепают, очищают — да, если обольшают — нет, и лучше бы мне камень носили на шею.

А как часто в одной и той же ВЕНЦИ, на одной и той же странице, в одной и той же строке и отрещают и обольщают. То же сомнительное пойло, что в колле колдуны-ведьмы — А И к чёго только ни накалено и ни наварено!»

В отличии от Ц. Н. Рубцова, несмотря на все драматические перипетии ^{своей жизни и} творческой судьбы, стремился, несомненно, в высшее «небо духа», к своей ^{идеи и любви,} Богу. Поэтому он утверждал, что «...поэзия должна быть добродушной».

«ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ» ЖДЕТ ВАС

Москвичи Андрей и Марина Кошелевы любят путешествовать по Волге и всегда с фотоаппаратом. Так у них возник проект — сделать серию краеведческих букалетов, посвященных историческим местам нашей земли. Есть на карте их путь и Тотьма, потому что многие маршруты связаны с рекой Сухоной и с

такому краю, земли Сокол, ией Николая

Рубцова.

Первые букалеты уже вышли. И самый первый посвящен знаменитому кольскому Готемского района. Буклеть уже поступил в продажу и производство — благодаря прекрасным фотографиям А. Кошелева получила серия на стихи Рубцова. В центре замысла — стихотворение «Тихая моя родина». Букалетов так и называется «Звезда полей».

Весь селу Нижегородское впечатление фотосерией. А вся серия

Вообще Николай Рубцов давно стал знаковой фигурой для нашего края. Жизнь интересуются почти все туристы, приезжающие на Вологодчину. Кто влюблены в стихи великого поэта.

Его поэзией и шелевы про-

Остается добавить, что букалетами серии *Звезда полей* уже заняты туристические фирмы. Ведь авторы проекта не обоняли вниманием и такие

здесь многие древние археологические

города и села, как Кириллов, Ферапонтово, Белозерск...

В. С.

У НАДЕЖДЫ ШИЛОВОЙ ЮБИЛЕЙ!

30 августа Надежде Борисовне Шиловой исполняется 50 лет! Она — областной детской библиотеки, давний друг и член редколлегии нашего журнала «Автограф». И давно пишет стихи. Наверное, еще со школьных времен. В филфаке нашего пединститута ее знали как галантливую поэтессу и бодрую

и сотрудником «Автографа». В случае на юмористку: творческих

Горячо поздравляем Надежду Ефимовну с днем рождения и желаем успехов и побольше радостей в этой непростой жизни!

Редакция



КНИЖНАЯ ПОЛКА

Владлен Сироткин «Кто обворовал Россию?» М., «Алгоритм», 2003. Автор — известный российский историк и публицист.

Э. Лимонов «Дневник неудачника» (на русск. и англ. языках). М., изд-во Литинститута им. Горького, 2002.

Василий Мищенев «Подныньи на реке», стихи. Вологда, 2003. Известный вологодский поэт, живший в г. Никольске. Издание подготовлено Вологодской писат. организацией.

Вячеслав Белков «Судьба на пороге», стихи и хайку. Вологда, 2003. Второе издание стихотворной книги писателя.

Михаил Субботин «На крыльях памяти», Вологда, 2003. Воспоминания, в том числе о Рубцове. Художник В. Едемский.

Светлана Мануйлова «Дар богов», Вологда, 2003. Тираж — 200 экз. Нечто вроде поэтических и стихий. Автор — художница. Послесловие — Михаила Коньева.

А. Романов «Последнее счастье» (поэзия, проза, думы). Вологда, 2003. Составители А. А. Романова и С. А. Романов. Этую книгу А. А. Романов готовил еще при жизни.

Юрий Агланов «Волчьи ягоды», стихи. Вологда, 2003. У автора трунная судьба. Стихи сильные, интересные.

А. Кошелев, М. Кошелева «Никольское», букл-фотосюита на стихи Рубцова. Авторы — москвичи. Первый из серий буклетов, которые готовятся к печати. 2003 год.

Дмитрий Ермаков «Нить чая», проза. Вологда, 2003. Книга серии «Вологда. 21 век». Тираж 999 экз.

Василий Оботуров «Заложники», о крестьянской трилогии Василия Белова. Вологда, 2003. Книга известного критика.

ФАКТЫ И МНЕНИЯ:

В сущности, если попытаться объяснить постмодернизм по Фрейду, то именно цинтомания, неспособность сказать что-то в традиции и служит глубинным бессознательным мотивом той части большой литературы, которая движется его авторами. Пушкин, Толстой, Достоевский — это трупы, которые разлагаются и смергают их нужно поскорее похоронить, объясняют они. Они пытаются изнасиловать литературу. Так поступает страдающий от цинтомании маньяк-насильник, мучащий женщину и получающий несказанное наслаждение. Еще пример из области психоанализа. У психоаналитиков, работающих с подростками переходного возраста, страдающих различными комплексами и отклонениями, есть такой диагноз, как «попытка вернуться в детство». Не случайно постмодернистские тексты так похожи на школьные пародии «Бегство в детство» на бессознательном уровне означает страх перед взрослением. Взросление, которое делает неуместным ребячество. Нации классики постмодернизма, отмечавшие свои юбилеи, — это состарившиеся «вечные мальчики», которые мальчиками и останутся.

С.Т

Керамическая проза

Александр СИДОРЕНКО

БОЛЬНО

Надька сломала ногу. Не сама — помогли. После уроков она спускалась по лестнице, спускалась, никого не трогала — и вдруг с третьего этажа раздался грохот дверей и радостный рев (это 6-А опустили раньше с урока). Рев тутом, гулким комком летел по лестнице, приближался, и Надька даже представила его себе: он был похож на Петьюку Кривцова после урока физкультуры: рот до ушей, все 32 зуба наружу, глаза безумно-радостные с бесподобными чертиками в зрачках, рожа красная-красная, вот-вот лопнет.

Рев догнал ее и полетел мимо и сквозь. Надька схватилась за перила, но не успела: в спину ее пихнуло что-то тупое и грунтое и кинуло через восемь ступенек вниз... Было больно, очень больно, и вдруг перед Надькой мелькнула картина из прошлого: она, маленькая, стоит на тротуаре и смотрит, как на мостовой бьется и воет только что сбитая машиной собака. Надька завыла. Нет — не заплакала — завыла, как выла та песня, пока была жива: животно утробно, животно. Поток шестиклассников, который весело тек через Надьку, как через досадный камушек на пути, вдруг оборвался и замер. И в этой вдруг разразившейся тишине снова вытянулся и повис в воздухе вой животной, тупой, безысходной боли: «У-у-у-у...».

— Эй, что с тобой? — кто-то из ребят неуверенно и брезгливо кашнул Надьку за плечо.
— У-у-у-у...

Она подняла глаза, и ей стало стыдно: вокруг плотным кольцом сгрудились люди. Они с интересом рассматривали ее все вместе откуда-то сверху, а она, как собачонка, лежала внизу под ними с неестественно подвернутыми ногами, задравшимся платьем и пыльными пятнами на кофточке. Надька снова вспомнила ту собачонку, которую так же обстурили прохожие, Надька с ними. А собака еще пытается поднять голову и о чем-то просила глазами, выдавливая из себя последние, самые странные звуки.

А теперь сама Надька лежала на полу, и смотрели уже на нее. А она не хотела этого — пусть, уйдут: пусть уйдут, только не надо вот так — сверху. Сверху смотрят те, которым повезло. Сверху — обидно.

Кто-то уверенно развинул кольцо ребят, и Надька увидела перед собой физрука Пал Паныча. Он нагнулся, отчего его светлокожий лобок щелкнул ее по носу.

— Жива? А ну-ка... — он тронул ее подвернутую ногу — Надька вскрикнула и очнулась только в «скорой». «Собака жива?!»

— Что ты, милая, какая собака? Не было никакой собаки, — над ней склонилась женщина в белом. Ты лежи, не нюхайся — перелом у тебя. Все будет хорошо, ты только лежи.

Она сидела у окна. Рядом с ней стояли большие облезлые кости, взятые напрокат в больнице. На улице шел дождь, шел наискосок, отчего окно и то, что за ним, казалось чёркнутым, неправильным, как в тетради с ошибками.

В доме напротив на балконе под навесом висела пикура рыси — там жил охотник. Надька знала это, потому что балкон редко пустовал, то медведь свесит свою большую голову и

мохнатые лапы и сущится на сочнышке, то лиса с лисятами, то ондатровая семейства чуть колышется на ветру, и все с я пустыми лапками. Теперь вот рысь: «А где-то, что в них было?» И Надька представила, что это она висит вот так же, свесив голову и руки, пустая внутри, сущится. А потом ее бросят на ноги и будут ходить по ней, будут радоваться и гордиться.

Дверь приснула, в щелочке появился глаз. Он наблюдал за Надькой, а точнее — изучал ее. Вот дверь пропищала дальше, и вошел Леник — четырехлетний воаочонок-детсадовец — ее сводный брат. В руке у него была делушкина палочка. Он крадучись и с опаской подошел к сестре, радостно ухмыняясь.

— Что тебе? — спросила она.

— Надька... а Надька? А тебе болю?

— Да — больно, — она в который раз посмотрела на свою ногу, которая была болезнай, белой, камениной и совершенно чужой, как будто ее прикрепили к Надьке.

— Слыши, а где у тебя нога переломалась? А?

— Да вот тут, — она бережно положила ладонику на то самое место.

— Тут... Слыши, Надька, а ты мне вчера по ноге больно дала. — протянула Леника. — Чего?

— Вот тебе, вот тебе. — он взмахнул палочкой и дважды опустил туда, где только что лежал Надькина ладоника. — Не догонишь, не догонишь!

Леник радостно запрыгал на месте и победно завизжал.

У Надьки брызнули из глаз желтые искры, и все поплыло. Она встремнула головой, скжала зубы, прогоняя боль, и схватилась за кости! Догнать! Догнать! Но кости выскользнули у нее из рук и упали прямо перед ней. Они лежали рядом, всего в полуметре от Надьки, но взять их было — никак. Она поднялась на одной ноге, выставляя другую, чужую вперед, допрыгала до кровати и рухнула на спину.

Надька плакала. На спине плакать было неудобно: слезы набирались в ямочки глаз и стекали на подушку медленными холодными струйками. Но Надька так и лежала: глаза в потолок, лицо в слезах. А в голове стучало: «Не догонишь! Не догонишь!».

И на миг мелькнули перед ней большие, пронзительные, высвеченные болью глаза собаки.

г. Череповец

Николай УСАНОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Жил-был бомж Колька. Нашел две книжки на помойке. В первой, как нашили труп. То был великий боярин. Убит толстым копьем. Такое лишь у советника царя. Стали родичи боярина план мести советнику вынашивать. Но один из нихшибко умный был, местный Шерлок Холмс, нет, Эркюль Пуаро. Сказал, что советник религиозный и не может никого убить. Спорят. Решили проверить. Стали издали следить за советником. Раз тотшел с парнем. Навстречу другой великий боярин. Взял царь у советника копье и убил боярина.

Прочитая бомжик книжку. Слышил, пыганка гнёт юношу в сарайку. Тот внутрь не идет: «Такая у моего друга, у недоноска 14 рублей украла! Не генеральших, а «горбатых»

(союзных) — те были раз в сто ценнее нынешних!» Видя, что никак не затянуть юношу в сарай, цыганка там разделась до ната. Юноша — к ней. Тут с дров слезли муж цыганки и женишина с прозвищами Птица Счастья и Цыганка. Троє, выражаясь народным языком, «обратали» парня. Применяя другое народное выражение — наварили ему ухо. На третьем народном выражении — поступили с парнем, как повар с картошкой. На четвертом — «мяякнули» (с ударением на я). Я не применю, как непародное, выражение «вырубили, как мамонта». Убили. Деньги и «вышерушили» (ударение на и) — выняли.

А бомжик издали видел. Цыган — за вином. А его лягавецкие — хвать! Нет, еще не успел косой в редакцию сбегать». Хвать — по другому леду. А цыган решил — по этому. Признался. А бомжик тутшел, слышал. Понял Колька, что святаят лягавецкие цыганку и Цыганку. Помнит Колька, что 20 лет назад Птица Счастья пыталась сделать мужчину из него, из тряпки. Вызвал Колька своего знакомца, волшебника Горе Матери. Тот установил блок в памяти цыгана и его жены. Те забыли Птицу Счастья.

Читает бомжик следующую книжку. Там к Сергию (не Сергей, а «игумен земли Русской») пришел учеником сын кого-то из самых великих бояр. У Сергия устав супор. Очень кручинился (расстраивался) новенький, что кинул, пусть и слабенькие, но все же житейские радости, ради здешних супоростей. А серацевелен Сергей те мысли разумеет. Раз пришел и сказал, что зря расстраивается: ему досталась лоля лучшая и в веке нынешнем и в будущем: ученика того все родичи от чумы умерли в городе.

Прячет бомжик книгу — люди к нему идут, бандиты. Им коммерсант не желал платить дань. Решили его запугать: на его глазах бомжика убивать. Кольку заставили в кузов залезть. Сами в кабину, едут. А в кузове брезент. Накинул его Колька на передние окна. Машина встала, бомжик бежать. Бандиты: «Не убегай!» Испугался Колька, убегать не смест. Тут другой бандит на легковушке едет. Те кинули упавший грузовик, пересели в легковую, заставили сесть и Кольку. Справа лошадь. Колька кричит: «Не сбейте лошадь!» Поздно: наехала, сбили! Лошадь была дьяволицей, унесла бандитов с машиной. Лиши Колька сидит в дуже.

Александр ДУБИНИН

ЗВЕЗДНЫЕ МЫСЛИ

Это уже не коррупция, это уже диктатура!

Нестабильность в мире — гарант нашей олигархии, ее оправдание. Можно и дальше издеваться над большинством народа и над здравым смыслом.

Лучше развиваться долго, но навсегда. Если быстро, то неизбежно в какой-то части себя.

За каждым подвигом прячется подлость — до бионостное преступление. Мысль эту выговорила Тома, хотя я не уверен, что это ее мысль. Насколько у нас в России мысль эта актуальна, что не грех напомнить ее заново.

Совершить собственное злодеяство характера не хватает, но всегда готов быть соучастником.

Наша жизнь, как помойка в ясную погоду!..

Поэзия это прививка от рабства.

А по кюветам все косточки русские.

Мы-то за Америку, а вот за нас ли Америка?

Гос. вертикаль власти, над созданием которой так бьется наш президент, управляет призраками, имитаторами — политики, экономики, культуры.

У нас очень романтичная Власть: в эпоху компьютеров лепит общество и государство по типу Екатерининских времен.

Суды над Сорокиным и Лимоновым это формула страха номенклатуры перед обществом.

Негализуя проституцию, законодатели решают вопрос занятости населения.

Нашей демократии хватило только на то, чтобы вскрыть вековую болечку. Нынешний отказ от свободы значит помимо прочего, что брюхо пора защитить как безнадежное, негодное для излечения и жизни.

Достоевский колебается ис между верой и безверием, а между востоком и западом.

Кто сказал, что у нас не будет гражданскоого общества. Его предполагается создать из номенклатурных идиотов и их отпрысков.

Игорь ЭПАНАЕВ

АФОРИЗМЫ

Подлюдная водка.

Город труп.

Застава --- в раз плох.

Автобус, наполненный до экстаза.

Зажевать заживо.

И медь иметь.

Огненная. Во! Да!

Наркопьян.

Пой, мальчик.

Не прав, да?

Богатыри Невы.

Нет, часто ты.

24 май я.

Улица у лица

А, Ген, ты.

Ну, кот, ты да еж.

Банданила.

Аэроподом.

Света, форд.

Голод уха.

Цвета каки.
Почет по четным!
Во спс я с нею.
Кружок «Ней сама»
Стойка на оленях.
Ложе на животе
Отпор лежебокам.
Закон закончен.
Игорь Этонаев.
Жизнь в джинсах.
Готов ли голод к зиме.
У пани страх панический.
Город — ат.
Размечтался, одноразовый.
Ныет и не грезвеет.
Режим — ржим!
Как в водку опущенный.
Ниво в панках.
Сюда ремонтный зовет
Раб баб.
Неудовлетворительная любовь.
День студента — студень.
Подносовые.
баба его.
Хочу все!
Знать
Сам Петербург.
Много. Мир. по..

АНЕКДОТЫ ПРО ПИСАТЕЛЕЙ

ГЕННИЙ

В общаге лингинститута встречались иногда два поэта — старшекурсник Николай Рубцов и Юрий Кузинцов. Однажды утром они встретились на кухне. Рубцов говорит:

— Молодой человек, а почему Вы со мной не здороваетесь? Кузинцов пожал плечами.

И Рубцов изрек:

— Я гений, но я прост с людьми.

НА СОЛНЫШКЕ

Известный критик Л. рассказывал мне: «Иду я как-то по пляжу в Пинунде. Смотрю, провинциальный писатель В., на песочке загорает. Я ему и говорю

-
- Что же это, Вася! Народ там гибнет, а ты тут на солнышке нузо греешь!
— Ничего, не погибнет! — ответил Вася и перевернулся со спины на живот.

ГОНОРАР

Редактор местной литературной газеты в конце месяца расписывает авторские гонорары.

- Так... Сидоров, он пьет?
— Пьет, ешь как!
— Вычеркиваем. Все равно прошлет.
— Теперь Петров... пьет?
— Никак нет.
— Так зачем ему деньги? Вычеркиваем...

ПОЛЕ БРАНИ

Писатели на досуге играют в шахматы. Белов сделал удачный ход, а Чухин неожиданно ответил матом!

СКАЧУТ СТАЯМИ

Один писатель на встрече с трудящимися решил прочесть стихи Есенина: «Заячья стая на крыше Служит вечерину звезде...» Но опибся и прочитал: «Заячья стая на крыше Снохваталися, когда было уже поздно.

ДЕНЕЖКИ

- Звонок писателю И.:
- Это вы написали, что жидомасоны продали Россию?
— Да.
— А где я могу получить свою долю?

ЗНАЙ НАШИХ

- После встречи с читателями друзья спрашивают у писателя И.:
- Ну, как выступил, Мина?
— Хорошо, только вот один умник вопрос заковыристый задал!
— Ну, а ты?
— Я ему уклончивый ответ дал.
— Какой же?
— Да на фиг его послал.

ПОСТ

В двадцатых годах Борис Пастернак Игорь Северянин сидели в берлинской гавани. Игорь Васильевич держал в одной руке кружку, а в другой — вилку, на которую была нанизана огромная немецкая сосиска. И вдохновенно сказал Пастернаку:

— У меня есть сын! Его зовут Приват.

В ДОРОГУ

Молодой вологодский писатель ~~вчера~~ собирается съездить к морю. Друзья ему говорят:

— Ты хоть чемодан купи в дорогу?
— Зачем?
— Неложиши туда брюки, пиджак, беде...
— А в чем я тогда поеду?

ЗНАЙ МЕРУ

Как пьют писатели?

Одна бутылка — норма. Две бутылки — много. Три бутылки — мало.

ОТКРЫТИЕ

В своей новой книге Ст. Рассадин ~~же~~ не упомянул некоторых выдающихся русских поэтов. Зато сделал крупное литературное открытие — впервые опубликовал, что настоящее отчество И. Бродского не «Александрович», а «Израилевич».

В НАРОД

Два писателя из города В. решили лучше узнать жизнь и пошли в народ. Целый день ходили они по деревням, по лесам и полям. Под вечер устали, замерзли и решили погреться у стога. Синички отырели, и они долго могли не течь сено. Наконец, стог заныкал. И вдруг писатели видят, что к ним мужик из деревни бегут. Один писатель и говорит другому: «Как поджигать, так никто не помох! А как погреться, так все бегут!»

ЗВЕЗДЫ

Рассказывал мне поэт Виктор Королёв: «Сидели в Союзе писателей Ольга Фокина и Николай Рубцов. Фокина читала журнал „Звезда“. Рубцов смотрел-смотрел, и выдал: «И звезда с звездою говорит!...»

*Собрал Вячеслав БЕЛКОВ
Вологда*

Автограф

ИЗ МОЕГО СОБРАНИЯ

Автографы интересны не только сами по себе. Они являются также историческими документами. Например, один из первых автографов моей коллекции говорит о том, что писатель Владимир Чивилихин в октябре 1972 года находился в Вологде, встречался с читателями. Надпись он оставил на книжке А. Яшина. Публицист и поэт Юрий Чехонадский прислал мне свою поэтическую книжку из Москвы. Следующий автограф — конверт письма, которое Яшин отправил Николаю Рубцову в деревню. А последний автограф, показанный на этих страницах, принадлежит перу самого Рубцова. Поэт написал письмо своему лингвистическому наставнику Николаю Сидоренко. На конверте пометка Н. Сидоренко. (Два последних автографа — у меня в копиях).

Вячеслав Белков

Д. Чивилихин
"Чайка"
1972 г.
Надпись на конверте
от 1972 г.
С. Сидоренко
1972 г.



Куда с. Никольское

Томского р-на
Башкортской области

Кому Николаю

Рудкову

Адрес отправителя отличника А.
Москва В-17 завучем
№ 217 кв 102



Член Советского Союза
Гвардии старшина 1 ранга
Шумахов Г. А.
Из Калужской области
Алексей Шумахов.



Куда г. Москва,

Лесопарковский пр-т,

д. 15 кв. 51

Кому Федоренко

Николаю Николаевичу

Адрес отправителя Богданова,

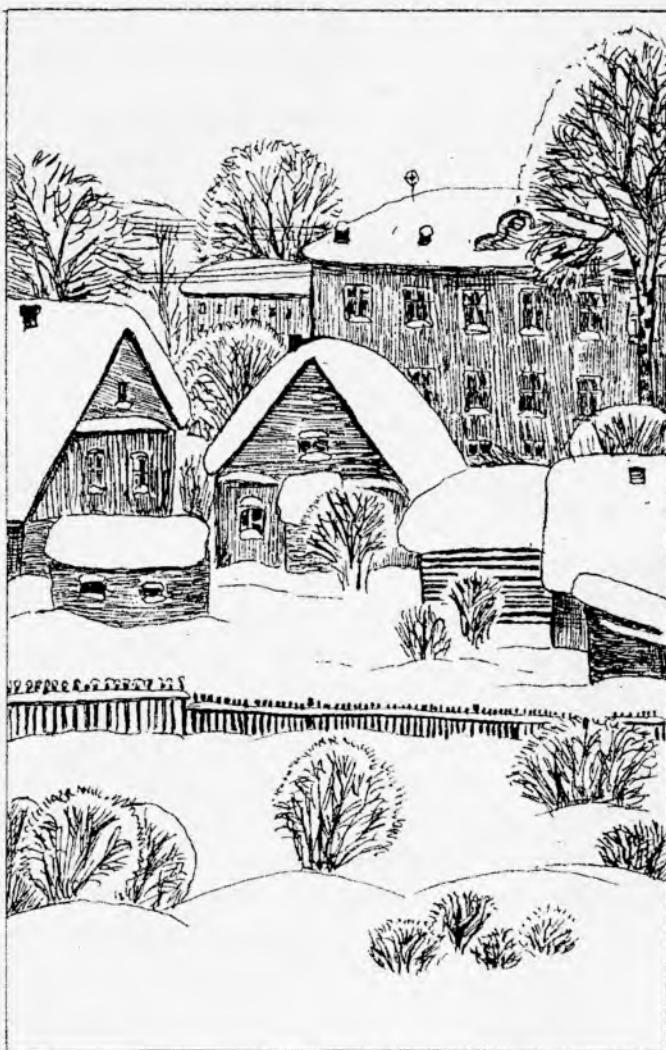
Томский р-н,

с. Никольское Рудко

Графика

Тамара НУЙЯ

Талантливая художница Тамара Нуйя живет в Грязовце. Мы уже не раз показывали ее работы в журнале «Автограф».





HYUN 2002

ИЗ КНИГ В. ГАМАЮНОВОЙ

Валентина Григорьевна Гамаюнова живет в г. Артеме Приморского края. 30 лет собирает экслибрисы, пишет об искусстве. Для нее делали книжные знаки художники Е. Владимиров, Л. Распопов, Ф. Махонин и другие. Показываем несколько экслибрисов.





Книга

В.Г.ГАМАЮНОВОЙ

Люблю твою,
Россию, старину,
Твои леса,
погоды и молитвы
Н.Рубцов



АВТОГРАФ
Литературно-художественный журнал

27

Обществ совет: А. А. Грязев, В. С. Белков, Ю. Н. Малоземов,
Ю. М. Макин, А. А. Понехонов, А. Н. Смирнов, М. А. Полетова,
М. А. Григорьев, Г. А. Лавтакова, И. Г. Бушенев, В. В. Попова,
О. И. Кузнецова, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции
Адрес для писем: Вологда, ул. Ленина, 2. Союз писателей. Вячеславу Белкову

Сдано в набор 14.05.03. Подп. в печать 16.06.03.
Заказ № 530

Вологда
2003